

2021.01.001. Атамали К.Е.*
**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И ПОВОРОТ НА ВОСТОК
(Сводный реферат)**

1. Савин Л.В. Многополярность и внешняя политика России // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3, № 1. С. 9–18.

2. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // *Сравнительная политика*. 2020. № 1. С. 111–125.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; Дальний Восток; политические элиты; политический процесс; политическое лидерство; поворот на Восток; девестернизация; геополитика; интеграция; АТР.

Савин Л.В.,

главный редактор журнала «Геополитика»
при кафедре социологии международных отношений
социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Савченко А.Е.,

заместитель директора ИИАЭ ДВО РАН
(Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения Российской академии наук, Владивосток)

Зуенко И.Ю.,

научный сотрудник отдела китайских исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Л.В. Савин [1] обсуждает теорию многополярности, которая с недавних пор является предметом дискуссий среди политологов и специалистов всего мира. Интерес обусловлен снижением роли США в глобальной политике и желанием ряда стран заполнить образовавшийся геополитический вакуум. Анализ внешней политики России в контексте доктринальных документов и стратегий показывает, что тенденция многополярности является одной из ключевых. Многополярность стала дискурсивными рамками, которые с годами расширялись и корректировались с упором на критику внешнеполитических действий США.

* Атамали К.Е., редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

Говоря о российско-китайском сотрудничестве, автор отмечает, что Россия участвовала в разработке декларации по многополярному миру и установлению нового международного порядка (1997), одного из первых международных документов по многополярности, и совместно с Китаем подписала данную декларацию. В ней, в частности, указывалось: РФ и КНР будут содействовать развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка. В декларации отстаивались права государств самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства извне. Силами, способствующими формированию многополярного мира, назывались развивающиеся страны и Движение неприсоединения.

Отмечались глубокие перемены, произошедшие в международных отношениях в конце XX в.:

- утверждение многообразия политического, экономического и культурного развития всех стран;
- возрастание роли сил, выступающих за мир и международное сотрудничество;
- рост понимания многими странами необходимости взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды;
- построение мирного и стабильного международного политического и экономического порядка становится требованием эпохи.

Затрагивая тему трансформации внешнеполитических приоритетов России, автор обращает внимание на концепцию 2000 г., которая заключается в том, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов. В концепции от 2008 г. многополярность, прежде всего, связывалась с глобальной безопасностью и с тем, что решение проблем стратегической стабильности не может оставаться только сферой взаимоотношений между РФ и США. В концепции внешней политики России 2013 г. говорилось о переходном периоде в международных отношениях, который заключается в формировании полицентричной международной системы. Отмечались усложнение международных отношений, укрепление новых центров экономического роста и политического влияния и важная роль региональной интеграции. В следующей концепции 2016 г. курс на многополярность подтверждался указанием на содействие развитию конструктивного диалога и партнерства. Также упоминалось сокращение возможностей Запада доминировать в мировой экономике и политике.

Темы полицентричности и многополярности отражены в стратегиях национальной безопасности РФ. В начале 2000-х годов указом Президента РФ было заявлено о курсе на продвижение идеологии становления многополярного мира и развитие равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями. Акцентировались попытки других государств помешать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В стратегии 2009 г. был взят курс на отстаивание национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений. Приоритетом России была названа стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства. В следующем документе 2015 г. говорилось о создании устойчивой основы для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов РФ, повышении ее роли в полицентричном мире, формирование которого сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности.

Необходимо отметить, что понимание российской стороной необходимости разработки теории многополярности возникло из кризисной ситуации: распад Советского Союза, сопровождавшийся этническими конфликтами, распад Югославии, бомбардировка НАТО и самопровозглашение албанцами Косово как независимого государства. Наблюдались попытки переосмысления места и роли России в мировой политической системе.

В 2003 г. один из отечественных апологетов многополярности Е.М. Примаков утверждал, что после 11 сентября отчетливо проявилось противостояние двух тенденций: с одной стороны, сохранение при определенной модернизации миропорядка, основывающегося на таком механизме многосторонних действий, как ООН. С другой стороны, «унилатерализм», или ставка на то, что жизненно важные для человечества решения могут приниматься одной страной – США – на основе субъективного восприятия Вашингтоном международной действительности. Он считал, что ЕС превращается в центр силы, сопоставимый по своим возможностям с США, и подчеркнул необходимость участия ООН в становлении многополярности. Также Е.М. Примаков отмечал, что Китай, Россия, Индия и Япония не собираются следовать в хвосте

событий, определяемых в Вашингтоне. Важно отметить, что Е.М. Примаков уже тогда отрицал лидерство США, обращая внимание на стремительно растущие возможности других стран и альянсов. ВВП Китая и Индии больше ВВП США, а на 2011 г. США не является единственным источником научного прогресса: США (31% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24%), Китай (14%) и Япония (11%).

Автор приводит точку зрения Е.М. Примакова, который уверен, что многополярное мировое устройство в условиях глобализации не ведет к конфликтным ситуациям, военным столкновениям, но не исключает весьма сложной политической обстановки. Создание треугольника Россия – Индия – Китай могло бы сбалансировать агрессивное поведение США и другие вызовы.

Выступление В.В. Путина 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, ставшее известным как Мюнхенская речь, вошло в историю как важный этап в продвижении идеи многополярности. В своей речи президент России отметил, что предлагавшийся уже после холодной войны однополярный мир не состоялся. Наличие одного центра силы, одного суверена губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна, поскольку экономический потенциал новых центров мирового роста укрепляет многополярность. В.В. Путин подверг сомнению легитимность проведения рядом стран военных операций, имея в виду США и страны НАТО, поскольку легитимным можно считать применение силы только если решение принято на основе и в рамках ООН. В выступлении также затрагивались вопросы разоружения, милитаризации космоса, нарушения баланса внутри ОБСЕ и экономической безопасности. Президент утверждал: развитые страны выделяют средства на борьбу с бедностью и передают их своим компаниям, что фактически является оккупацией, которая лишь усиливает экономическую депрессию и приводит к росту радикализма и экстремизма. Речь заканчивалась призывом к сотрудничеству между странами по строительству демократического мироустройства и обеспечению в нем безопасности и процветания для всех.

Автор отмечает, что концепция неоевразийства А.Г. Дугина являлась одной из идеологических и интеллектуальных платформ для разработки многополярности. Евразийство на уровне плане-

тарного тренда – это глобальный революционный цивилизационный концепт, который призван стать новой мировоззренческой платформой сотрудничества для конгломерата различных сил, государств и народов, отказывающихся от атлантической глобализации. Это совокупность всех препятствий на пути однополярной глобализации, возведенных от простого отрицания к созидательной альтернативе. Классическое евразийство связано исключительно с Россией, характеризующейся как Евразия из-за своей уникальности, огромной территории и расположения между «классической» Европой и Азией. Евразийство – это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного и оригинального мира.

Близким к данной формуле является мнение другого российского ученого Бориса Мартынова, который отмечал, что новая нарождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как цивилизационной. По его мнению, межкультурное общение – реальность современного мира, в котором, помимо государств, в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры и объединения и даже отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов. Кроме того, преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной в том, что для своего функционирования она должна основываться на праве, поскольку для взаимодействия нескольких крупных игроков право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*. Это в высшей степени применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность.

Ухудшение отношений с Западом подталкивало Россию к более активной выработке стратегии многополярности, поскольку многосторонность ЕС и США предполагает присоединение к сложившимся международным институтам, чья повестка дня определяется в основном Западом. Россия рассматривает эти подходы как формы коллективной односторонности, что порождает ряд альтернативных представлений о многополярном мире. Некоторые авторы считают, что многополюсный миропорядок не концепция, а историческая реальность на стадии формирования.

Автор заключает, что на данный момент еще нет четкого представления о будущих полюсах, но тем не менее уже видны некоторые контуры будущего миропорядка. Должны быть продолжены дальнейшие усилия по разработке теоретических основ

многополярности, особенно с позиции незападных теорий международных отношений. Также необходимо определить онтологические факторы, этические и правовые аспекты, проанализировать культурные, идентификационные и цивилизационные элементы. После этого возможно включение этой концепции в международное нормотворчество и практическое адекватное взаимодействие с другими центрами силы как на Евразийском континенте, так и за его пределами.

А.Е. Савченко и И.Ю. Зуенко [2] анализируют предпосылки появления феномена российского «поворота на Восток». Словосочетание *Pivot to Asia* первоначально закрепилось в американской внешней политике в 2011 г. В российском повороте на Восток переплелись глобальные, национальные и региональные интересы, стратегические соображения и приоритеты территориального развития, что порождает общественно-политический резонанс. Эта тема поднималась во многих западных изданиях и постоянно находится в повестке различных конференций по международным отношениям. Авторы задаются вопросами, чем на самом деле является поворот на Восток и как его измерить.

Обращаясь к известной дискуссии И.И. Шувалова и А.Л. Кудрина на Петербургском экономическом форуме (2015), исследователи заключают, что у политиков нет ответа на эти вопросы. Авторы подвергают сомнению опасения насчет целей поворота на Восток и утверждение, что это лишь диверсификация внешнеэкономических связей. На сегодняшний день не существует консенсуса по поводу того, что же именно представляет собой «поворот на Восток», когда он начался и каковы его цели, и также не существует аналитической схемы для систематизации трансформаций внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов России. Задачей авторов является выявить предпосылки (движущие силы) российского поворота на Восток и понять его взаимосвязь с основными глобальными, национальными и региональными приоритетами России.

Поворот на Восток рассматривается сквозь призму трех глобальных процессов:

- участия России в глобальном соперничестве за реконфигурацию мира;
- реализации Россией стратегии по реинтеграции постсоветского пространства;
- выстраивания Россией альтернативных западному направлению политико-экономических связей.

Активизацию азиатско-тихоокеанского направления российской геополитики можно представить в виде соотношения «структуры» и «движения». Стабильный миропорядок, будучи жестко структурированным на доминирующих и подчиненных, оставляет мало возможностей для радикальных геополитических манёвров отдельных государств. Однако когда так называемые «восходящие державы» расшатывают устоявшийся мировой порядок, пространство для изменения status quo расширяется. Мотивы и цели действий России на международной арене являются предметом многочисленных альтернативных интерпретаций. Поворот на Восток необходимо анализировать в первую очередь сквозь призму геополитики, поскольку ее роль в принятии политических решений России неуклонно растет.

На рубеже XVI–XVII вв. Россия стала одним из первых государств, целенаправленно реализовавших политику вестернизации. Это превратило ее в один из ключевых субъектов мировой политики во времена мировой экспансии Запада. Вестернизируясь, Россия осуществляла свой собственный геополитический проект интеграции по периметру своих границ на западе, юге и востоке. Сегодня встает вопрос об обратном процессе – «девестернизации», или «повороте на Восток», как целенаправленной политике страны. Усиление крупных незападных стран в ходе мирового перераспределения экономической и военной мощи в 1990–2000-е годы, особенно ставшее заметным в период «товарного суперцикла» 2001–2008 гг., сократило возможности Запада проецировать свою власть на остальной мир. Реконфигурация мира приобретает собственную динамику, поскольку крупнейшие развивающиеся страны, сосредоточенные в основном в Азии, сумели геополитически капитализировать свои экономические успехи. Подтверждением этому служит появление объединений, подобных БРИКС и «Большой двадцатке», которые продвигают многосторонний формат принятия ключевых экономических решений.

Авторы отмечают, что разворачивается новая борьба за передел мира в виде конкуренции масштабных интеграционных проектов: в АТР альтернативой Транстихоокеанскому партнерству выступает Региональное всестороннее экономическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). На постсоветском пространстве столкнулись проекты европейской («Восточное партнерство») и евразийской (ЕАЭС) интеграции и китайская инициатива ЭПШП. Контуры нового миропорядка пока неясны, но Восточная

Азия будет играть в нем одну из определяющих ролей, поскольку там расположены главные страны, прежде всего Китай и Индия, обладающие достаточным потенциалом для изменения облика глобальной политики и экономики. Концепция внешней политики РФ 2016 г. провозглашает рассредоточение мирового потенциала силы и развития и их смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Имея высокотехнологичный военно-промышленный комплекс, Россия последние 30 лет участвовала в размытии мощи Запада. Закупки российского вооружения были важным фактором создания современных армий Китая и Индии. Если наращивание экономической мощи крупнейших азиатских стран было обусловлено взаимоотношениями последних с США и Европой, то геополитическая капитализация этой мощи происходила при участии России. Именно это имел в виду английский историк Дж. Хоскинг, в начале 2000-х годов говоривший о ключевой роли (с его точки зрения, отрицательной) России в формировании мира.

В настоящее время по всему миру модернизация, как и глобализация, все меньше связываются с вестернизацией. Китай показывает элитам развивающихся стран альтернативу западной модели – авторитарную политическую власть в сочетании с государственным капитализмом, которая снижает зависимость легитимности режима от его признания в странах Запада. Именно к ней движется значительная часть стран постсоветского пространства.

С конца 1980-х годов и до недавнего времени Россия была экономически, идеологически и институционально привязана к структурам западного мира. Там же находился «центр легитимации» важнейших внутриполитических процессов. Участие в «Большой восьмерке», в саммитах «Россия – ЕС» и «Россия – НАТО» было привычным форматом международной коммуникации для российской политической элиты, создающим европоцентризм российской внешней политики. Экономическая система России предполагала стерилизацию доходов от экспорта нефти в специальных фондах, обеспечивая макроэкономическую стабильность. Хорошие макроэкономические показатели открывали для российских компаний доступ на западный финансовый рынок.

С началом 2010-х годов такой порядок вещей стал уходить в прошлое по нескольким причинам:

– внутриполитическое развитие в стране пошло по траектории, расходящейся с западной идеологией верховенства международного права, которая столкнулась с ростом популярности идео-

логии национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств;

– экономически Россия встроилась в западный мир лишь в качестве поставщика сырья, однако обвал цен на энергоносители, усложнение доступа на западные рынки капитала и негативный пересмотр позиций российской экономики поставили под сомнение модель экономических отношений с Западом;

– с 2014 г. оказались заблокированы привычные каналы коммуникации с США и Европейским союзом.

По мнению авторов, «девестернизацию» едва ли реально измерить в формальных показателях, поскольку ее невозможно отличить от диверсификации экономических связей, политики многовекторности или же интеграции в АТР. Главные признаки девестернизации связаны с изменением внешнеполитических приоритетов Москвы и ее готовностью к разрыву связей с Западом, открытому противопоставлению национальных ценностей западным и ростом значимости Азии для реализации собственного геополитического проекта на постсоветском пространстве. С точки зрения геополитики и экономики у России не так много стимулов поддерживать западоцентричный миропорядок, в конкуренции с которым она продолжала утрачивать свои исторически сложившиеся зоны интересов в Восточной Европе, Центральной Азии и Ближнем Востоке. Таким образом, Москва стала одним из главных сторонников смещения геополитической мощи в пользу «не-Запада».

Главным катализатором поворота на Восток, по мнению авторов, стали трудности проекта реинтеграции постсоветского пространства, которые были обусловлены как дискурсом к деколонизации и укреплению суверенитета, так и геополитическим давлением Запада в двух волнах. Первая волна – «цветные революции» в 2003–2005 гг., в ходе которых в Грузии, Украине и Киргизии были свержены правящие режимы. Вторая волна связана с проектом ЕС «Восточное партнерство» (2009), целью которого являлось развитие интеграционных связей с шестью бывшими западными республиками СССР (Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан). При этом с начала 2000-х годов постсоветское пространство являлось внешнеполитическим приоритетом для Москвы, что видно по частоте зарубежных визитов российских президентов.

Рассматривая трансформации проекта реинтеграции постсоветского пространства, авторы отмечают превращение проекта из регионального в глобальный и смену геополитического вектора

реинтеграции. Если раньше проект отражал превращение России в региональную державу, то в настоящее время он становится альтернативой интеграции для соседних стран под эгидой Европы или Китая. Произошло фактическое вымывание из него европейской составляющей и концентрация на азиатской (позиционируется как «евроазиатская»). После грузинского и украинского кризисов Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сконцентрировался в постсоветской Центральной Азии, которая одновременно является сферой интересов Китая. В 2015 г. Москва и Пекин сумели найти подходящий формат взаимодействия своих интеграционных инициатив – было принято Совместное заявление России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП.

Авторы подчеркивают, что похожая метаморфоза произошла и с политикой интеграции в АТР, которая еще в начале 2010-х годов понималась в Кремле инструментально – в контексте задач развития своих периферийных территорий и имела менее высокий статус по сравнению с европейским направлением. Среди приоритетов в Концепции внешней политики Российской Федерации АТР располагался позади постсоветского пространства, ЕС, НАТО, США и даже Канады и Арктики. Однако обострившийся в 2014 г. конфликт с Западом придал российский политике в АТР первостепенный статус, положив конец стратегическим планам Москвы по сбалансированной и многовекторной внешней и экономической политике. При сохранении текущей позиции Запада развитию интеграционных связей с Азией, в том числе постсоветской, фактически не осталось реалистичных альтернатив.

Развитие восточных регионов России, с одной стороны, должно было обеспечить выход на рынки АТР, с другой – именно на обширных восточных территориях в первую очередь должны проявиться эффекты от углубления и интенсификации связей с АТР и постсоветской Центральной Азией. Эта взаимосвязь сформулирована в российских официальных стратегических документах, в которых Дальний Восток рассматривается не только как инструмент, но и как бенефициар «поворота на Восток». Процесс интенсификации связей с АТР должен выражаться в обустройстве транзитной и экспортной инфраструктуры Дальнего Востока, в инвестициях из азиатских стран, в создании передовых правовых условий для ведения экономической деятельности.

Тем не менее результаты на сегодняшний день относительно скромны: азиатские институты развития почти не инвестируют в экономику России. В 2018 г. среди одобренных и находящихся

в стадии проектов в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций не было ни одного российского. Банк развития БРИКС финансирует три российских проекта (628,8 млн долл.), но эти инвестиции не связаны с поворотом на Восток. На площадке для привлечения азиатских инвестиций – ежегодном Восточном экономическом форуме во Владивостоке – значимые соглашения заключаются с российскими компаниями, однако эти соглашения не носят обязательного характера. Проекты по развитию Дальнего Востока финансируются государством или связанными с государством сырьевыми корпорациями: даже транспортные коридоры «Приморье 1» и «Приморье 2», которые должны обеспечить экспорт и внутренний транзит продукции китайских провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, пока не сумели привлечь иностранных инвесторов. Материальным подтверждением поворота на Восток выступает лишь строительство мощного энергетического комплекса, ориентированного на транспортировку, переработку и экспорт углеводородов в страны АТР, который, однако, в большей степени связан с диверсификацией рынков сбыта и географическим смещением сырьевой базы, чем с геополитическими манёврами.

Авторы заключают, что в повороте на Восток больше риторики, чем реальных результатов, но это не отменяет факт его существования. Рассмотрев поворот на Восток в контексте реконфигурации мирового порядка, реализации собственного интеграционного проекта и диверсификации политико-экономических связей, исследователи называют движущие силы этого процесса:

- сближение с Китаем, которое позволяет рассматривать подъем АТР как ресурс для успешного маневрирования в меняющемся мире;

- мощный подготовительный период, без которого смена геополитических приоритетов была бы невозможна, а именно Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Реализация евразийского интеграционного проекта (на базе ЕАЭС) также была бы невозможна без подготовительной работы в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза, подспорьем для которой стала конструктивная позиция руководства Казахстана;

- избавление от монополизма Европы в сфере потребления российских энергоресурсов на протяжении 2000-х годов и переориентирование на экспорт в развивающиеся страны Азии. Этот сдвиг в географии нефтяной торговли – один из самых значимых

факторов российского поворота на Восток, поскольку он создает пространство для геоэкономического манёвра.

В результате событий после «крымского кризиса» произошло разрушение прежних структур: институтов взаимодействия с Западом, иерархии внешнеполитических приоритетов Москвы – и с введением санкций перестала работать прежняя экономическая модель роста российской экономики. Всё это ослабило сдерживающие структуры и развернуло Россию на Восток. Рост значимости АТР для России связан с геополитическими приоритетами Москвы и конвергенцией политических систем стран – участниц ЕАЭС (с одновременной дивергенцией этих систем относительно Запада). Проблема заключается в том, что поворот на Восток не означает формирования новой модели экономического роста и успехов в развитии восточных территорий страны. Ее решение – задача следующего этапа, который станет итоговым индикатором успеха или провала российского поворота на Восток.